

Ключевский как историк и политолог

Н.В. Асонов

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-1542-942X>

АННОТАЦИЯ

В статье автор, исходя из сложившегося в Новое время противоборства главных социально-политических сил, олицетворяющих «первую» и «вторую культуру», дает оценку В.О. Ключевскому как представителю русского гуманитарного знания. Согласно доводам автора, В.О. Ключевский был не только выдающимся историком, педагогом и методистом, заложившим основы признанной в Европе «l'École russe», но и одним из первых в России политологов. Как политический аналитик и прогнозист он дал объективную оценку государству и власти в России. Ему удалось показать несостоятельность для России либерального пути развития, уничтожающего ее национально-историческую систему ценностей, имеющую большое гуманистическое значение. Сегодня эта проблема, выделенная В.О. Ключевским, стала еще более актуальной. Поражение в «холодной войне» сделало нас заложниками «второй культуры», привнесенной в нашу страну либеральной идеологией и утвердившейся к концу XX в. в социальной и политической системе России. И если власть реально не встанет на защиту традиционных ценностей, соответствующих «первой культуре», то мы вскоре простимся с остатками своего суверенитета.

Ключевые слова: Василий Осипович Ключевский; «l'École russe»; история; политология; либерализм; Россия; «первая и вторая культура»

Для цитирования: Асонов Н.В. Ключевский как историк и политолог. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):144-150. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-144-150

ORIGINAL PAPER

Klyuchevsky as a Historian and Political Scientist

N.V. Asonov

Moscow State Pedagogical University, Moscow Regional State University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1542-942X>

ABSTRACT

In the article, the author analyzes the division of culture that took place during the Renaissance. Studying the later works of a Russian imperial historian Vasily Klyuchevsky, the author concluded that there were two opposing cultures – “first culture”, which represented traditional values of the state, and the new “second culture” – a culture of early modernity, which focused on liberal thought. According to the author's arguments, Klyuchevsky was a very talented pedagogue and a very prolific political scientist, perhaps first of its kind in Russia. He developed numerous scientific approaches to history as a science, which have led to the emergence of the so-called “l'École Russe” – a school of thought and a continental system of methodic procedures that have greatly advanced European civic sciences. As an experienced political analyst, he objectively assessed the Russian state and its ruling elite. However, perhaps his greatest achievement was in showcasing the insolvency of the liberal route of development in the Russian Empire. Klyuchevsky saw a great humanitarian disaster in the advancement of liberalism in Russia, as it has fractured the national and historical system of values of the Russian people. In contemporary Russia, this problem, highlighted by V. Klyuchevsky, has become even more urgent. The defeat in the Cold War has made the country dependent on culture dominated by liberal thought, which was forcefully introduced into Russia by the supporters of the pro-western path of development in the late twentieth century. And unless a major step towards reanimation of traditional culture as well as a socio-political system is consciously pursued by the current regime, Russia might lose the remains of its sovereignty.

Keywords: Vasily Klyuchevsky; “l'École russe”; history; political science; liberalism; Russia; “The First and The Second Cultures”

For citation: Asonov N.V. Klyuchevsky as a historian and political scientist. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):144-150. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-144-150

Выдающийся русский историк и педагог Василий Осипович Ключевский родился 28 января 1841 г., а покинул этот мир 25 мая 1911 г. Его жизнь, охватившая период «от Николая до Николая», не могла пройти вне той политической борьбы, которая развернулась в пореформенную эпоху и вылилась в первую русскую революцию 1905–1907 гг. В этой борьбе, как известно, действовали разные силы левого и правого толка, демонстрируя безжалостность любого противостояния, когда решается вопрос о захвате власти. Будучи православным человеком, он не мог встать на сторону тех, кто свои стремления сводил к известному лозунгу макиавеллистов: «Цель оправдывает средства». Особенно ему были неприятны те, кто своей ненавистью к православной России хотел сделать из нее придаток западной цивилизации. Эта установка В. О. Ключевского актуальна и в наши дни.

Ведь все, что сегодня происходит в рамках международного сообщества, нельзя рассматривать вне контекста тех задач, что ставятся ее главными участниками. Условно их можно разделить на две большие группы. Согласно Г. Киссинджеру, одна из них нацелена на установление новой модели организации социально-политической жизни с характерным для нее «вторым типом культуры», «которая является глобальной, структурированной и правовой,... выходящей за рамки перспектив и идеалов какого-либо отдельного региона или одной страны» [1, с. 484]. По этой причине она отрицает национально-исторические традиции государств и народов как устаревшие и не отвечающие требованиям дня. Другая группа стремится встать на защиту «первой культуры» и сохранить этно-цивилизационное своеобразие, включая характер социально-политического устройства, не вписывающийся в стандарты современного либерализма с его «второй культурой».

В этой борьбе особое место отводится культурно-идеологической подсистеме общества, составной частью которой выступают гуманитарные науки. Стремление использовать их в качестве аналитического щита выдвигаемых политических теорий стало носить массовый характер. Таким образом, старая мысль о том, что история, как и политология, имеет прикладное значение, влияя на перестройку системы ценностей и целей не только общества, но и власти, сегодня так же актуальна, как и в прошлом.

Когда социально-политический кризис в очередной раз потряс Россию, он заставил всех равнодушных к ней людей искать ответы на возникшие проблемы через выявление причинно-следственных связей, помогающих понять истоки той «болезни», которой страдает родина, и определить способы ее лечения. Переживание кризисного состояния раскрыло историю не просто как набор знаний о прошлом, а как сложную интегративную науку. Ведь история тесным образом связана со всеми гуманитарными дисциплинами, влияя на их поисковую направленность. Это объясняется тем, что все эти дисциплины в первую очередь являются науками исторического опыта, а без его учета нельзя получить достоверные знания. Интеллектуальный продукт такого рода пользуется спросом не только среди специалистов, но и у тех, кто желает понять специфику России как важной составной части всего мирового сообщества.

В этой связи без обращения к наследию наших выдающихся историков обойтись нельзя. В их ряду, пожалуй, первое место занимает В. О. Ключевский. Стремление поставить его в ряды своих союзников свойственно представителям каждого из двух упомянутых противоборствующих лагерей, действующих в России. На это противоборство накладывается еще одно серьезное обстоятельство — кризис исторической науки, утвердившийся на Западе с конца XX в. В значительной мере он связан с тем, что за последние сорок лет там не появилось ни одной принципиально новой методологической парадигмы общественного развития. Поэтому используются некие «тупиковые варианты», стремящиеся обновить новыми декорациями устаревшую и малоэффективную концепцию постмодерна, создавая теории трансмодерна, постэкономического пространства и т.д. Отсюда мода осмысления истории, в том числе и российской, не только с либеральных, но и с марксистских позиций, причем преимущественно в инструментально-прагматической области.

Преодолеть возникший кризис понимания истории надо, меняя методологию исторического исследования в сторону теоретической направленности. В данной связи хорошим фундаментом для историка станет опора на социологию и политологию. Тут стоит обратить внимание на достоинства национальной школы исторического познания, создавшей систему общей теории истории, каковой до сих пор нет у сторонников

«второй культуры». Впрочем, ее нет и ни в одной национальной историографии мира. Данная теория выделяет три основных метода исторического познания: констатирование фактов, их выбор и оценка. Данная схема в основе своей была разработана В. О. Ключевским и доведена до логического завершения в 1906 г. Н. И. Кареевым. Она исходит из того, что самая ненаучная из трех основных историософских точек зрения — идеологическая (диалектическая), соответствующая метафизической системе мирозерцания.

С ними, а также с именами И. В. Лучицкого и М. М. Ковалевского Европа связывает появление у нас не либеральной, а «русской школы» в исторической науке — феномен «Ecole russe». Кстати сказать, это понятие было заимствовано Западом благодаря знакомству европейских историков не только с трудами самого В. О. Ключевского, но и с обобщающим сборником «Характеристик и воспоминаний», изданным в 1912 г. благодаря усилиям ведущих ученых Москвы и Петербурга. В нем мэтр отечественной исторической науки предстал как основатель первой по-настоящему научной исторической школы в России и вершина русской теории истории. В первую очередь здесь стоит отметить Н. И. Кареева, сумевшего доработать и применить принцип синтетического подхода, заложенного В. О. Ключевским, который еще не востребован в должной мере.

Сегодня их последователи из антилиберальной группы московских ученых развеяли миф о том, что В. О. Ключевский был отчужден от теоретической работы и не любил ею заниматься. Например, Ю. А. Васильев, разбирая другой, менее популярный его курс по методологии русской истории, дополненный дневниковыми записями и составивший стройную концепцию онтологической проблематики, опроверг мнение либерала П. Н. Милюкова. Милюков почему-то старался приписать своему учителю отсутствие у него «коренного нерва учебной работы», что создавало сложность в восприятии его учениками методологических приемов профессора. Эта позиция сохраняла значимость и в советское время, только сегодня против нее выдвинуты контраргументы. Среди них важное место занимает цитирование недоброжелателей В. О. Ключевского, вырывающих из контекста воспоминаний его учеников нужные им места, тогда как весь текст дает совершенно иное представление о нем как о человеке и крупном ученом, избегающем держаться в своих работах «каких-либо принятых шаблонов»

[2, с. 124]. Для него всегда был интересен конкретный фактический материал, а не спекулятивные штампы на его основе, подменяющие науку ее идеологизацией.

Зато в рамках «русской исторической школы» становится понятным, как, опираясь на выработанные методологические и методические схемы анализа, можно обойти проявления субъективности и дать объективную оценку историческим явлениям и процессам. К разновидностям такого рода «незаконного» субъективизма относится партийный, национальный и конфессиональный субъективизм, с которым боролся В. О. Ключевский, поскольку он мешал ему ответить на «главный вопрос истории — куда идет человечество с самого начала и осуществляет ли история идеалы человека?» [2, с. 99].

Касаясь проблемы методологических оснований «русской исторической школы», следует подчеркнуть, что умение В. О. Ключевского применять телеологический подход и соединять его с историко-сравнительным и синхронным методами анализа, можно противопоставить выводам представителей «незаконного» субъективизма, нарушающих в угоду идеологическим установкам принцип соблюдения причинно-следственной связи. Тогда как у В. О. Ключевского она является фундаментом его исторической концепции, прогресс трактуется им через развитие идеи властных отношений, а история России подается такой, какова она есть, в ее положительных и отрицательных проявлениях.

Этим В. О. Ключевский обязан своему учителю — С. М. Соловьеву. Он одним из первых заметил отсутствие психологии прошлых времен и научно аргументированной критики исторических фактов, даже в трудах М. В. Ломоносова. Это заставило новое поколение русских историков, вступивших на научное поприще в середине XIX в., идти дальше, применяя и разрабатывая новые способы анализа. Поэтому методологическим основанием своего научного подхода С. М. Соловьев избрал рационализм. Он также использовал принцип причинной обусловленности всех явлений. Это позволило ему, в отличие от Н. М. Карамзина, увидеть в действиях того же Ивана Грозного историческую необходимость и закономерность, позволившую одержать верх здоровым государственным началам над деструктивными разрушающими их силами. А уже В. О. Ключевский смог доработать политический портрет нашего первого царя, увязав его с общим

для России историческим процессом, которому Иван IV больше навредил, нежели помог.

Принцип исторического критицизма, взятый на вооружение В. О. Ключевским, в наши дни позволил представителям либерально ориентированного научного сообщества смотреть на него как на своего единомышленника, не обладающего при этом какими-то значимыми научными способностями. В частности, культуролог МПГУ О.А. Жукова уверена, что «политическая идентичность Ключевского с точки зрения либеральной склонности не может быть подвергнута сомнению» [3, с. 252]. Зато для декана истфака ВШЭ А.Б. Каменского, О. Будницкого и И.М. Клямкина В. О. Ключевский — это вообще «миф», хотя и либерал. В их понимании он ничего не представляет собой как ученый, а только играет роль «гвоздя», на который «навешивают цитаты, не имеющие... к нему отношения» [3, с. 255].

Вторая группа скептиков в оценке В. О. Ключевского ориентируется на марксистскую научную школу и ее методологию классового подхода. Как известно, эта школа стала складываться еще в начале XX в. Именно тогда против В. О. Ключевского были выдвинуты обвинения в эклектизме теоретических построений «Курса русской истории». Как ее надо правильно писать, показал главный обвинитель В. О. Ключевского — его ученик М. Н. Покровский, издавший «Русскую историю с древнейших времен». Данный труд страдал именно той «болезнью», с которой боролся учитель М. Н. Покровского, — увлечением идеологической (диалектической) точки зрения как самой ненаучной. Кроме того, идеологическая схема «Русской истории» была еще «замешана» на примате экономической, а не политической (властной) составляющей исторического анализа, и везде, где это было можно, автор брал к себе в союзники своего учителя [4, с. 8, 56]. Этот крен в 1934 г. был исправлен И. В. Сталиным: М. Н. Покровский был запрещен, а «Курс русской истории» В. О. Ключевского переиздан. Между тем, стремление историков-марксистов видеть в нем то «буржуазного русского историка», то «предшественника экономического материализма» оказалось весьма живучим, хотя у Василия Осиповича сама логика построения названий отдельных глав и периодов русской истории противоречит такому заключению.

Более того, разграничивая при изучении прошлого две точки зрения — культурно-историческую и социологическую, он еще до выделения

в России социологии в самостоятельную науку предлагал создать особое научное направление — историческую социологию, содержание которой составило бы изучение «кинетики» сил и средств функционирования исторического процесса, познание результатов которого является предметом истории цивилизаций.

Таким образом, желание критиковать В. О. Ключевского, опираясь на «старых либеральных историков», в том числе на Г.П. Федотова, основано на незнании или искажении теми и другими его «Курса методологии русской истории», а также на невнимательном прочтении его лекционного цикла, в котором «социальная история превращается в социальную характерологию» [2, с. 130]. Этот аспект его творческой деятельности как ученого проявился уже в магистерской диссертации «Древнерусские жития святых как исторический источник». В качестве примера тут можно привести Главу VI, где анализируется Пахомий Логофет как писатель и религиозно-общественный деятель [5, с. 96–140].

Опровергая из своего времени взгляды современных российских сторонников «второй культуры» на эпоху Екатерины II как либеральную, В. О. Ключевский обращает наше внимание на то, что именно в ее правление дворянство составило особый народ в политическом смысле слова, получивший широкое право угнетать. При этом «крепостное право превратилось в полную зависимость крепостных, ставших частной собственностью землевладельцев» [6, с. 133]. Не выглядит либеральным у него и царство Александра I, который, подобно своему отцу и Николаю I, не правил, а владел Россией. Наряду с этим выдающийся русский историк приводит целую систему доказательств того, что русское государство сложилось приблизительно в те сроки, о которых говорит летопись, и его связь с Московской державой носит самый непосредственный, прямой характер. Поэтому оно никак не могло зародиться благодаря монгольскому игу, как нам о том повествует либеральный историк И. М. Клямкин.

Новизна в осмыслении и решении поставленных проблем, свойственная научному анализу В. О. Ключевского, стала причиной его разрыва с «государственной школой», представленной либералом Б. Н. Чичериным и его единомышленниками, в которой доминирование юридического подхода не позволяет принять в расчет всю совокупность условий жизни. И в первую очередь это касалось политической сферы государственной

жизни, превращая нормативно-правовую подсистему общества из ресурса политической власти в ее абсолютного актора.

Наряду с этим, допуская саму постановку вопроса об исторических законах, В. О. Ключевский подчеркивал, что исторический закон должен дать ответ на вопрос: почему сменяются явления именно в таком порядке, тогда как историческая схема объясняла, в каком порядке сменяются исторические явления. И здесь важно рассматривать историю не как логический, а как народно-психологический процесс. Примером тут может служить образ Сергия Радонежского, вдохнувшего в русский народ чувство «нравственной бодрости» и «дух самоотвержения и энергию подвижничества» [7, с. 235]. С другой стороны, под влиянием Запада распространилось «чуждебесие» — пристрастие ко всему иностранному, которым, в частности, был «заражен» в XVII в. князь И. А. Хворостинин — духовный предшественник П. Я. Чаадаева.

В любом случае, заключает В. О. Ключевский, «в усилении исторической любознательности всегда можно видеть симптом пробудившейся потребности общественного сознания ориентироваться в новом положении», что свидетельствует о том, что новое положение уже упрочилось, и его результаты стали носить ощутимый для народа характер. Но тем и отличается «общественное сознание от личного, что последнее обыкновенно идет от установленных причин к возможным последствиям, а первое, наоборот, расположено от данных последствий восходить к искомым причинам от данных последствий» [8, с. 382].

Такой характер вывода дает нам основания говорить о В. О. Ключевском не только как об историке, но и как об одном из первых русских политологов. И для этого есть все основания. Ведь главным объектом интереса политической науки является власть как центральная категория всей социально-политической жизни и связанных с ней теоретических построений по поводу организации, ресурсов и методов управления. Следовательно, она не может обойти вниманием процессуальную сторону реализации теоретических установок, способных носить доктринальный характер и оказывать решающее влияние на весь политический процесс. А он напрямую связан с вопросами захвата, удержания или сотрудничества с государственной властью.

Интерес к данной проблематике мы находим и у В. О. Ключевского. Уже в своей периодизации

русской истории он на первое место выдвигает политический аспект ее развития, а не юридический или экономический. Это явствует из той характеристики, которую он дал первому этапу нашей истории, где буквально в двух предложениях пять раз в разных смысловых контекстах использует термин «политика». Днепровский город у него предстает в первую очередь как политический, а не хозяйственный центр округа. Да и феодальное дробление в его понимании есть «господствующий политический факт» [9, с. 51], тогда как экономической составляющей отведено второе по значимости место.

В аналогичном аналитическом ключе выстроено осмысление второго, третьего и четвертого периодов. Переход же от одного этапа к другому также определяется им в первую очередь как смена политических, а уж потом хозяйственных отношений. Единственное исключение в пользу экономики он делает, когда говорит о догосударственном периоде, когда экономические интересы влияли на «общественные связи, из которых вырастали политические союзы» [9, с. 162]. И это вполне объяснимо. Ведь государства как главного политического института еще не сложилось, и потому на этом этапе социальные отношения в условиях стабильности могли превалировать над политическими интересами.

Встав на позиции критического позитивизма, В. О. Ключевский отдалил себя от всех политических сил (за исключением событий 1906 г.), выбрав позицию независимого эксперта. Это дало ему право трезво оценивать происходящую борьбу за государственную власть и наряду с политическим анализом заняться политическим прогнозированием. В этом смысле особого внимания заслуживают его рассуждения о генезисе государства, появление которого «вовсе не было прогрессом ни в общественном, ни в нравственном смысле». Полемизируя с Т. Гоббсом, он утверждает, что государство не смогло реализовать «идею общего блага» и даже «не было выходом из состояния войны всех против всех», хотя оно и явилось «плодом очень насущных потребностей общества». Эти потребности «создавались различными неправильностями, ... развившимися между людьми». Сравнивая государство с костылем, дающим некоторую опору телу, но мешающим двигаться здоровой ногой, В. О. Ключевский выводит из этого рождение «безнравственной политической морали» [10, с. 296].

Делая сравнительный анализ политических процессов у нас и на Западе, он выделяет одну принципиальную особенность. Если там «политическая жизнь шла сверху вниз, путем дробления целого на части», то в «удельной Руси обратно — снизу вверх, путем сложения частей в целое. ... путь одинаков там и здесь, но неодинаковы направления хода; отсюда сходство явлений и различие процессов» [10, с. 330].

Не менее важен в его интерпретации анализ политической власти как двоичного явления: «власть как средство для общего блага нравственно обязывает; власть вопреки общему благу — простой захват» [10, с. 430]. Причем, особо актуально звучит его характеристика прозападной направленности российской власти XVIII–XIX вв.: «чем более мы сближались с Западной Европой, тем труднее становилось у нас проявление народной свободы, потому что средства западноевропейской культуры, попадая в руки немногих тонких слоев общества, обращались на их охрану, не на пользу страны, усиливая социальное неравенство». В результате «у нас нет ничего настоящего, а все суррогаты, подобию, пародии» [10, с. 360]. Рассчитывать, что государственная власть в таких условиях сможет сохранить себя, не приходится. В любом случае, считает В. О. Ключевский, «эта династия не доживет до своей политической смерти, вымрет раньше, чем перестанет быть нужна, и будет прогнана» [10, с. 443]. Тогда как у Государственной Думы есть два пути: вопреки Манифесту восстановить «черносотенное самодержавие», или, «отменив всякую монархию, ... провозгласить республику» [10, с. 340].

Казалось бы, в этом вопросе историк должен встать на сторону либерально-демократических сил и поддержать их программу, но он этого не делает. Его оценка данного лагеря носит довольно жесткий характер — как политической силы, стремящейся к уничтожению культурно-исторических традиций России и ее народа. Ибо главное политическое оружие данного лагеря — народная глупость. Они «игроки на глупость, как консерваторы — игроки на трусость» [10, с. 380]. И если у консерваторов «слова хуже мыслей, то у либералов «мысли хуже слов» [10, с. 384]. Ведь наш «либерализм самый плоскодонный, приуроченный к русским мелеющим рекам» [10, с. 415]. Это «русская гадина, ползающая по окраинам России, чтобы найти удобное место нагадить отечеству» [10, с. 422]. И тот, кто пытается внедрить у нас

либерализм, не сможет сделать из него «никакого употребления, кроме злоупотребления» [10, с. 381].

Подобная оценка либерализма привела В. О. Ключевского к отрицанию и тех политических институтов, которые либералы решили установить в России. Он не выразил «сочувствия партийно-политическому делению общества при организации народного правительства», поскольку это «шаблонная репетиция чужого опыта» и «игра в жмурки» [10, с. 355]. А «Государственная дума пока остается небольшой дырой, которую народные представители превратят в широко раскрытую дверь» [10, с. 337]. Идущее «переслоение общества по интересам» создает «трудный вопрос о составе народного представительства». Народные интересы еще не успели сомкнуться «в общественные классы, способные найти своих представителей». В такой ситуации «можно проектировать какие угодно системы народного представительства, выкраивая их по образцу... Земских соборов, или по современным западноевропейским конституционным шаблонам. Но все такие учреждения рискованны и ненадежны. Жизнь должна сама создавать свои формы, прилаженные к наличным условиям места и времени» [10, с. 351]. И в этом великий историк оказался прав. Стихия революционных событий создала на почве народной традиции местного управления новый политический институт — Советы. С 1917 г. они стали главным органом государственной власти, доказав свою историческую целесообразность и успешность.

Анализируя политические институты, В. О. Ключевский не мог пройти мимо бюрократического аппарата. Предвосхитив на этот счет выводы Р. Михельса и М. Вебера, он писал: «Всякое общество вправе требовать от власти, чтобы им удовлетворительно управляли, сказать своим управителям: “Правьте нами так, чтобы нам удобно жилось”... Но бюрократия думает обыкновенно иначе: “Нет, вы живите так, чтобы нам удобно было управлять вами, и даже платите нам хорошее жалование; если же вы чувствуете себя неловко, то в этом виноваты вы, а не мы, потому что не умеете приспособиться к нашему управлению и потому что ваши потребности несовместимы с образом правления, которому мы служим...”» [10, с. 426].

Одним из парадоксов политического анализа и прогноза В. О. Ключевского стали обобщающие выводы, сделанные им несколько ранее

изложенных здесь размышлений, но не подчеркнутые автором как ошибочные или не соответствующие духу времени. Следовательно, они вписались в канву его понимания происходящих событий, и потому есть смысл поместить их здесь в качестве пессимистического эпилога. Еще в 1898 г. В.О. Ключевский в своей Записной книжке оставил следующую пометку: «Россия на краю пропасти» [10, с. 417]. А за семь лет до этого он вскрыл причину грядущей катастрофы:

«Политика должна быть не более и не менее как прикладной историей. Теперь она не более как отрицание истории и не менее как ее искажение» [10, с. 366]. Если действующая в современной России власть закроет глаза на размышления В.О. Ключевского, трагедия начала XX в. может повториться как фарс, оставив от России одно имя. Ведь многие социально-политические язвы, вскрытые им, проросли в наши дни и уже дали обильные всходы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: Изд-во АСТ; 2015.
2. Васильев Ю.А. Теории и методы в русской исторической школе. М.: ЛИБРОКОМ; 2012.
3. Клямкин И.М., ред. История и историческое сознание. М.: Фонд «Либеральная миссия»; 2012.
4. Покровский М.Н. Русская история. В 3 т. Т. 1. СПб.: Изд-во «Полигон»; 2002.
5. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Москва: Астрель, АСТ; 2003.
6. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 5. М.: Мысль; 1988.
7. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. М.: Мысль; 1988.
8. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 7. М.: Мысль; 1989.
9. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 1. М.: Мысль; 1988.
10. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 9. М.: Мысль; 1990.

REFERENCES

1. Kissinger G. World Order. Moscow: AST Publishing House; 2015. (In Russ.).
2. Vasiliev Yu.A. Theories and methods in the Russian historical school. Moscow: LIBROKOM; 2012. (In Russ.).
3. Klyamkin I.M., ed. History and historical consciousness. Moscow: Liberal Mission Foundation; 2012. (In Russ.).
4. Pokrovsky M.N. Russian history. In 3 vol. Vol. 1. St. Petersburg: Publishing House "Polygon"; 2002. (In Russ.).
5. Klyuchevsky V.O. Old Russian Lives of Saints as a Historical Source. Moscow: Astrel, AST; 2003. (In Russ.).
6. Klyuchevsky V.O. Compositions. In 9 vol. Vol. 5. Moscow: Mysl; 1988. (In Russ.).
7. Klyuchevsky V.O. Compositions. In 9 vol. Vol. 2. Moscow: Mysl; 1988. (In Russ.).
8. Klyuchevsky V.O. Compositions. In 9 vol. Vol. 7. Moscow: Mysl; 1989. (In Russ.).
9. Klyuchevsky V.O. Compositions. In 9 vol. Vol. 1. Moscow: Mysl; 1988. (In Russ.).
10. Klyuchevsky V.O. Compositions. In 9 vol. Vol. 9. Moscow: Mysl; 1990. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Васильевич Асонов — доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
nbassonov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Asonov — Dr. Sci. (Political Sciences), Professor, Department of Political Sciences, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
nbassonov@yandex.ru

Статья поступила 09.04.2021; принята к публикации 15.05.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 09.04.2021; accepted for publication on 15.05.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.